Инициативной группой писателей Совета по русской литературе при Союзе писателей Узбекистан был организован конкурс рассказов, посвященный трагедии Аральского моря. Целью было привлечь внимание общественности к экологическим проблемам Приаралья через их освещение в литературных произведениях.

Жанры разные: эссе и очерки, фантастические рассказы, сказки и истории, основанные на реальных событиях. Авторы разных возрастов и рода занятий. Составитель альманаха — писатель Галина Долгая — на презентации издания тепло отозвалась о всех авторах. Ну, а авторы поделились, как творили, почему взялись «за перо», что для них значит тема высыхающего Арала. Книжку надо читать. На SREDA.UZ размещаем один из рассказов. Автор — Анита ЭЛИВ. На презентации автор призналась, что это псевдоним. Ее первая попытка в литературе. На наш взгляд, очень удачная.

==========

ДРУГАЯ ПЛАНЕТА

Нукус встречает гостей скучно: перед нами разворошенный неоконченным ремонтом проезд к аэропорту, по которому мы, спотыкаясь, тащим наши чемоданы.

До отеля рукой подать, здесь все близко – в «шаговой доступности», как сказала бы моя коллега Птица. Она впервые в Нукусе и осматривается вокруг немного настороженно, но с большим интересом. Конечно, ее зовут вовсе не Птица, но это прозвище ей подходит – веселая, увлекающаяся оптимистка, незыблемо верящая в огромны запасы Добра и Радости, запрятанные в дебрях Вселенной. А вот Философ совсем другой, его оптимистом не назовешь. С улыбкой смотрю, как он подталкивает ногой свой чемодан, не слишком интересуясь происходящим вокруг, в полной убежденности, что делает миру огромное одолжение, приехав сюда просто полюбоваться степью.

– Чего ты улыбаешься? – сердито вопрошает он. – Надеюсь, нас хоть встретят? Или придется самим до гостиницы тащиться?

– Успокойся, – в толпе встречающих выхватываю знакомое лицо. – Вон Гуля идет.

Гуля радостно улыбается и сразу пытается выхватить из моих рук чемодан.

– Давайте помогу.

Затем следует привычный обмен ненужной информацией об общих друзьях-знакомых, в основном болтает говорливая Птица, а я пока молча привыкаю к Нукусу.

Такое впечатление, что этот город – гость. Вроде давно стоит на одном месте, но не обжился, не оброс уютом. И сам понимает, что он только в гостях у старухи-степи и его в любой момент могут попросить удалиться. Может, поэтому все вокруг какое-то неосновательное, построено без размаха и без намерения «жить долго и счастливо». Город бывших кочевников не торопится врастать глубоко в землю и не тратит лишних усилий на красоту.

При виде облупленного здания гостиницы Философ бурчит что-то под нос, а веселая Птица все еще купается в волнах своего оптимизма.

– Ничего страшного, это же всего на три дня.

– Все нормально, – успокаиваю я Гулю. – Не переживай, мы ко всему привычные.

Теперь очередь Нукуса нас рассматривать: приступаем к работе. В отличие от Арала, море работы никогда не засохнет, и в его водоворотах легко забыть, где ты находишься. После дня глубокого погружения, выныриваем вечером, утомленные и разбитые, и сразу цепляемся усталыми взглядами за Гулю – скорее бы она вытянула держащие нас якоря утомительной работы и повезла ужинать.

Пока едем в кафе, оживившаяся Птица без умолку болтает о засыхающем Арале, о намерениях его возродить, об общественной деятельности по проблеме Арала. Гуля слушает вежливо, но заметно, что эта болтовня не вызывает в ней особого волнения. О проблеме Арала она знает получше щебечущей Птицы, ведь она живет здесь, в так называемой «зоне экологической катастрофы». Эти неприятные слова – экологическая катастрофа – тесно связаны с ее жизнью и стали обыденностью. А для Птицы это пока еще волнующее ощущение. Она невероятно взбудоражена собственной смелостью: ну как же, приехала в зону катастрофы – и даже немного расстроена тем, что здесь нет явных «киношных» признаков вымирания. Мы, люди, любим зрелища. И даже факт наличия какой-то катастрофы поблизости не столько пугает, сколько завораживает. А тут на поверку все выходит как-то слишком просто и тускло. «Катастрофически» скучно для приезжего и «катастрофически» обыденно для местного жителя.

Послушав еще немного, Гуля пытается свести все к шутке.

– Говорят, если каждый из Ташкента приедет сюда с ведром воды, Арал наполнится.

Философ фыркает.

– Гораздо интересней научить людей пить песок вместо воды. Довольно глупо ставить человечество в зависимость от конечных ресурсов.

– А разве песок бесконечный ресурс? – я улыбаюсь, в то время как Птица озадаченно хлопает ресницами. – Он ведь тоже может кончиться!

– Ну, все же вода кончится быстрее песка, – Философ подмигивает мне: – А представь, что в скором будущем люди будут носить кольца с каплей воды вместо бриллиантов. Ведь вода станет драгоценностью, стоимость которой невозможно себе вообразить.

– Приехали, – Гуля тактично покашливает, призывая нас прекратить бесполезный разговор и выгружаться из машины.

Город, может, и неуютный, но своих гостей не обижает. Он щедрый кочевник, и для него накормить пришедшего в степь гостя – дело чести. На столе изумительно вкусная рыба, поджаристая, нарезанная огромными жирными ломтями, а рядом бешбармак с индейкой, и все это огромными щедрыми порциями.

– Вот все говорят, что у нас экологическая катастрофа. Но рыба пока есть, хотя и не из Арала, – Гуля довольно смеется, радуясь, что хотя бы сейчас может представить родной город в хорошем свете. – И Нукус растет с каждым годом, стройки новые затеваются. Да и про Арал стали много говорить, может, что-то изменится. В Казахстане Малый Арал наполнили, и у нас, говорят, можно…

– Говорить – не делать, – многозначительно замечает Философ, тыча вилкой в индюшатину. – Хотя… вы вон с Птицей об этом поговорите, она это любит.

– Да, люблю, – встрепенулась Птица. – Я представитель общественного движения за спасение Арала.

– И это движение постоянно движется из ресторана в этот…как его… коворкинг и обратно, – подхватывает Философ. – А до Арала никак не доползет.

– Почему не доползет? Я же вот приехала, – выпаливает Птица.

– Ну вот и хорошо, что приехали, – Гуля вступает в разговор, игнорируя ответную ухмылку Философа, и тактично меняет тему: – Давайте я вас завтра в музей отвезу, если будет время.

Гуля относится к Птице и Философу как к детям, которые пытаются обсуждать взрослые дела. Сама она, конечно, прекрасно понимает, что никто из нас не знает и пятой части проблем Приаралья, но не собирается разочаровывать гостей. Наверно, кочевые корни сильны в местных людях, и они не слишком рассчитывают на приезжих, все больше на себя. А приезжие… что с них взять? Как приехали, так и уедут, лишь бы были довольны.

Следующий день прямо с раннего утра накрывает нас жарой. Философ пыхтит, но старается не обращать на жару внимания, а в глазах маленькой Птицы уже отчетливо видна тоска по любимой столице. Они оба устали, и в ответ на предложение сходить после работы в музей имени Савицкого, молча вяло пьют воду, с ужасом представляя выход в уличное пекло. Приходится брать инициативу в свои руки.

– Вы тут отдышитесь, ребята, и берите такси в музей, – подхватываю свою сумку. – А я пройдусь.

Друзья не успевают возразить, и я выхожу, провожаемая равнодушным взглядом неулыбчивого администратора.

Почему-то у здешних людей редки улыбки. А может, мне просто кажется, что они мало улыбаются, и на самом деле это я не нахожу здесь повода для радости? Город мал и сер, в нем нет ничего, что могло бы сравниться с шумной жизнью Ташкента, или великолепием Самарканда и Бухары, или жизнерадостностью Ферганской долины. Дома приземисты и просты, а прямо перед ними валяются сломанные дорожные блоки, как останки игрушек каких-то великанов. Возможно, если их не трогать и позволить погрузиться в нескончаемый песок, то лет через сто их бережно выкопают археологи будущего и выставят в прохладных музейных залах. Как образец унылой архитектуры начала XXI века.

Да, здесь совсем другой мир, другая планета. И люди здесь пребывают в спокойной сонной безысходности, к которой они давно привыкли.

В музее имени Савицкого куча ребятни, и все, возбужденно переговариваясь, передвигаются от экспоната к экспонату – видимо, пришли с учителями на экскурсию. Занятно наблюдать, как малыши тычутся любопытными носиками в холодное стекло, за которым находится склеенная ваза. Может, они мысленно представляют себе, чьи руки прикасались к этому предмету много веков назад. А может им просто смешно, что взрослые придают такое значение каким-то старым черепкам, которыми уже и пользоваться нельзя. Глаза у всех быстрые, веселые, озорные, в них нет никаких признаков катастрофы и неизбежности.

– Не туда смотришь, – шепчет подошедший Философ, – картины в другой стороне.

– А где Птица?

Философ хмыкает:

– В гостинице решила отлежаться. Видимо, общественность не выдерживает, когда за Арал приходится бороться на такой жаре.

Сочувственно смеемся, а потом молча долго бродим по залам. И здесь совсем другая планета. Чувствую себя наполненной до краев, гуляющей в море изменчивых настроений. Руки и ноги как будто ощущают теплоту, исходящую от картин, – не спугнуть бы это чувство! Хочется погружаться все дальше и дальше, и уже нет дела до серого города вокруг, все отодвинулось далеко и стало мелким. Философ украдкой трет глаза, а потом отворачивается от картин.

– Вот так и сойдешь с ума в этом песчаном Лувре, – ворчливо говорит он, торопясь разрушить чары. – Совсем засмотрелся, еще немного, и говорить начну с этими картинами. Пошли уже, скоро музей закрывается.

Обратно идем вдвоем, и Философ уже не возражает против пешей прогулки. Видимо, музей изменил и эту часть его реальности.

– Знаешь, я договорился с таксистом, он может свозить нас завтра в Муйнак. Поедем?

– Конечно поедем!

На Птицу мы уже не надеялись, но, как ни странно, при слове «Муйнак» с нее слетела апатия, и она храбро собралась в дорогу. Может, ее успокоило наличие кондиционера и запаса воды в машине, да и ехать в общем-то недолго – часа три.

В машине прохладно, в ушах повеселевшей Птицы жужжат наушники, она то и дело заглядывает в телефон, «селфится» – в общем, «живет общественно-полезной жизнью». Мы с Философом смотрим в окно, разговаривать не хочется. Ощущение, что в машине какой-то иной мир, ограниченный ее дверцами, а снаружи – Марс с фотографий «Вояджера». Основная палитра здесь – странный серо-желтый цвет, неизменно повторяющийся в растениях, земле и даже небе. Как будто само небо дышит серо-желтой пылью. Цвет утомительный, безнадежный и в то же время прочный: ничем его не перебить, не представить эту пустыню зеленой.

Птица уже заскучала, убрала наушники и вернулась к своей роли «борца за Арал»: краем уха слышу, как она призывает водителя сажать деревья и спасать Арал, рассказывает что-то про свое движение.

Но водитель равнодушен, и сосредоточен на дороге.

– Почти приехали, – он кивком указывает вперед: – Вон, видите, написано: «Муйнак»?

На въезде нас обгоняет еще один внедорожник, из него тут же высыпают туристы и сразу берутся за дело: телефоны и фотоаппараты щелкают не переставая.

– Туристов сейчас много стало, – поясняет водитель, проезжая мимо ахающих и восторгающихся иностранцев. – Платят хорошо за такую экскурсию, а местные им еще железа вниз накидали, чтобы фотки выходили поинтересней. Хотите, вот здесь остановимся?

После долгого сидения в машине хочется размяться, потянуться и хоть немного пройтись. Не спеша идем смотреть местные диковины, окунаясь в особую «степную» атмосферу. Хруст под ногами тоже особый – не морозный хруст ломкого льда и не треск засохших растений, а такой звук, словно крупную соль перетирают в мельнице, запах гнилой соли поднимается от земли и заставляет морщиться.

Седенькие старички и старушки увлеченно «селфятся», невзирая на жаркое солнце. Птица тоже усердно фотографируется, но и ее постепенно утомляет эта неподвижная, застывшая во времени, степь, обдающая всех пыльным жаром.

– Знаете, говорят, что Арал уже высыхал когда-то давно, – сообщает водитель. – Но потом восстановился и затопил построенные поселения.

– А вы бы обрадовались или огорчились, если бы он восстановился и затопил Муйнак?

Водитель растерянно чешет затылок, на лице неопределенная гримаса. А я уже представляю себе, как из ниоткуда, из этой песочной впадины вдалеке, поднимается вдруг огромная волна и надвигается на поселок. А люди, привыкшие к неприятностям, даже не пытаются от нее убежать, а просто смотрят, без страха и опасений, заполняя спокойным, почти медитативным созерцанием последние минуты до катастрофы…

– Ну, это вы что-то перегнули, – мычит водитель.

Прихожу в себя и стряхиваю видение. Какое уж тут наводнение – водички бы попить, жара усиливается. Философ вытирает выступивший пот и прикладывает ко лбу бутылку с водой. Бесполезно: вода уже давно нагрелась и нисколько не охлаждает.

Иностранец закончил фотографироваться и теперь уныло ковыряет носком ботинка серо-желтый пепел пыли. Фото «на краю мира» выставлены в сеть, миссия выполнена, и дальнейшее его пребывание здесь так же непонятно, как и причины приезжать сюда ради нескольких фотографий.

– Надеюсь, не будешь говорить: «Ах, здесь прямо как на другой планете! Такая мрачная красота высыхающего моря…», – Философ нарочито писклявым голосом передразнивает притихшую Птицу.

Она даже не отвечает, ее оптимизм съежился и увял под давлением безнадежной обреченности этого места. Мне жаль Птицу, она явно залетела в чужие края.

– Не вижу особой красоты в высохшем море. Но ощущение другой планеты, к сожалению, есть.

– Это просто очень удобное внушение, – сразу заводится Философ. – Можно внушить себе, что катастрофа происходит на другой планете и к нам не имеет никакого отношения. Мы ведь живем далеко, отсюда не видать.

Птица недовольно выпячивает губки:

– Да здесь люди сами ничего не хотят! Что ни скажи, все только смотрят как на ненормальную, – жалуется она. – Им самим, кажется, Арал не так уж и нужен, если соглашаются жить в таких условиях. Почему бы им самим не воевать за свой Арал?

– Потому что в этом нет смысла, – пожимает плечами Философ. – Они способны из песка воду выжимать, могут копить воду, могут ее экономить, но бороться и призывать к наполнению Арала не станут. Не их забота. Они считают, что это небесная катастрофа, «фалокат», и не людское это дело, а божеское. Этакий локальный фатализм.

– А может, это не фатализм, а просто необходимость жить и работать? Нельзя же одновременно думать, чем накормить детей, и бороться за наполнение Арала! Они просто привыкли жить насущными проблемами, а не вопить о своей беде на весь мир, – я смотрю на двух мальчиков поодаль, и они приветливо улыбаются мне в ответ. Видимо, привыкли к общению с любопытствующими туристами.

– Зачем же работать над насущным, если нет будущего? – сердито вопрошает Философ. – Здесь положение настолько плохое, что лучше уж вопить на весь мир, чем ничего не делать. А они

зациклены на ежедневных бытовых хлопотах. Либо уезжают, либо приноравливаются к обстоятельствам.

Он смотрит, как мальчишки бойко окружают оробевших туристов, чуть ли не насильно впихивая им какую-то туристическую дребедень. К нам даже не подходят – видят, что ничего не купим.

– Может, это потому, что обстоятельства не за один день появились… – рассуждает ожившая Птица. – Арал не за один день высох, это был долгий процесс. Сначала они привыкли к одному неприятному обстоятельству, а потом постепенно привыкли ко всему и стали просто бороться за выживание.

– Ого, какие у нас умные мысли, – с иронией говорит Философ. – Видимо, общественная деятельность прекрасно развивает мозг.

Пока они так пикируются, я ухожу в сторону. Позади лежит городок, засыпаемый песками, а впереди, нереально близко – куски старого металла, еще помнящие прикосновения морских волн. Вспомнились склеенные черепки в музее, и даже странно, что между мной и этими мертвыми кораблями нет прозрачного стекла. Этот город уже сам музей – памятник погибшего моря-озера. И всё здесь – экспонаты: и люди, и туристы, и корабли, и даже вечный соленый песок.

Философ возникает за моим плечом, как злой дух высохшего моря.

– Знаешь, мне рассказывали такую историю. Однажды было найдено несколько древних предметов искусства, в том числе одна старинная ваза. Эксперт, производивший оценку, написал в отчете, что ваза «бесценная». А скупщик, прочитав отчет, выбросил вазу, решив, что «она ничего не стоит», – он мрачно усмехнулся: – Видимо, мы так же поступаем с водой. Пока она есть – она ничего не стоит, а когда ее нет – она бесценна.

Обратную дорогу все молчат. Но по мере приближения к Нукусу постепенно оживляются. Еще бы, завтра летим домой!

Наутро Птица совсем оправилась и как ни в чем не бывало болтала о пустяках.

– Это было замечательное путешествие. Я теперь намного лучше понимаю суть проблемы Арала.

Наверное, уже выложила фото в Инстаграм.

Философ тоже смягчился и даже по-доброму улыбается Птице.

– Ну вот и побывали на другой планете. Понравилось?

– Понравилось и не понравилось, – отвечаю я. – В основном потому, что это не другая планета, а наша. Поэтому, наверно, приеду еще. Может, ведро с водой в следующий раз прихвачу.

– Вместе приедем, – заключает Философ. – Одним ведром дело не решится.

– Тогда до следующего раза, на другой планете!

Анита ЭЛИВ

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Телеграме

Следите за новыми материалами, экологическими новостями и публикациями.

Перейти
На главную В рубрику

2 комментария к материалу «Вышел в свет альманах «Воды бесценный дар»»

1. Очень своеобразный рассказ ..Проблема Арала не будет решена .пока мы все не поймём.что съездив туда и сделав селфи …повозмущаться ..о жаре ..о песках .и то что мало воды ..увидеть не город наполненный жизнью .а просто город Призрак .. который как будто уплывает на старых и ржавых кораблях..Я бы очень хотела помочь решению этой проблемы .Проблемы Всей Планеты ..

   Ответить

2. Рассказ, собственно, ни о чём. Ни сюжета, ни захватывающего начала, ни логического и интересного конца. Скорее — эссе. Зарисовка. Примерно как все — у Бунина. То есть — много слов, ноль — экшена. С другой стороны, сюжета тут быть, как и «положительного решения» не может. Ведь пока Правительство Узбекистана не откажется от выращивания, и, соответственно, полива хлопчатника, на что уходит ОЧЕНЬ много воды, ни о каком «спасении» Арала речи идти не может. А оно не откажется никогда, потому что это — существенная статья доходов страны в бюджете. Или все жители Узбекистана согласятся туже затянуть пояса, и влачить полуголодное существование, ходя в обносках, и живя в мазанках? Экономя, и спасая Арал? Да ни в жись! Так что рассказ — мимо и меня, и «реалий нашего времени».

   Ответить

Оставить комментарий Отменить ответ

Читайте также

Еще статьи из Вода

Вода

Для безопасности плотин в Центральной Азии

02.09.2026
267 просмотров

Для обучения специалистов создается Академия безопасности гидротехнических сооружений. В ЦА насчитывается свыше 1200 плотин, из них 110 относится к разряду больших.

Вода

Насколько полны были Амударья, Сырдарья и водохранилища на этих реках в июле 2026 года

13.08.2026
663 просмотров

Фактическая приточность к верхним водохранилищам была больше прогноза, в том числе к Токтогульскому водохранилищу на 202 млн.м3, к Андижанскому на 10 млн.м3, к Чарвакскому водохранилищу на 192 млн.м3.

Вода

Три канала Центральной Азии включены в реестр Всемирного ирригационного наследия в 2026 году

11.08.2026
493 просмотров

Получили признание Международной комиссии по ирригации и дренажу ирригационная система «Халифа Хасан» в Таджикистане и каналы «Даргом» и «Шохруд» в Узбекистане.